

Вероника

ДОЛИНА

стихи

П.И.

amga

PHOTO: VLADIMIR MEKLER

Вероника ДОЛИНА

СТИХИ

amga EDITIONS

Paris 1987

Titre original en russe:

VERONIKA DOLINA. STIKHI

Составитель сборника В.Гаврилов

Автор вступления В.Амурский

Rédaction technique: I.Reece-Edwards

Maquette artistique: E.Amoursky

Sur la couverture - dessin de P.Mitouritch

© AMGA Edition, 1987

ISBN 2-906549-01-0

Поэтический мир Вероники Долиной

Мое знакомство с творчеством Вероники Долиной оказалось делом случая - заглянув как-то в один из русских книжных магазинов Парижа, я услышал магнитофонную запись, сделанную, как мне потом пояснили просвещенные люди, на одном из недавних вечеров в Московском университете. Впрочем, услышанное пение очевидно могло бы прозвучать и в другом месте, во времена иные - каких только сюрпризов не случается в этом городе! Разве, скажем, звуки шарманки, которые догоняют нас подчас в пестрой толпе Латинского квартала или на Монмартре, не переносят фантастическим образом русскую душу, предположим, в эпоху Достоевского?..

те либо на любительских записях в кассетах, чем в грамзаписи. Тут следует упомянуть, что в 1985 году для фирмы "Мелодия" Долина напела одну пластинку, которая, впрочем, к чести ее автора, с поразительной быстротой разошлась среди поклонников ее творчества.

Упомянув о своем общем впечатлении, возникшим при первом знакомстве с вещами Долиной, я хотел бы теперь коснуться несколько глубже вопроса о своеобразной связи времен, которую ощутил в ее лирике. В действительности, дело тут отнюдь не в эмоциях, а в самой основе поэтического видения и осязания мира Долиной. Так, вся ее песенная поэзия словно вырастает из тех художественных и этических исканий, которыми жила Москва в 60-е годы. Я пишу о ней лишь потому, что сам был там и хорошо помню многое. Городские мотивы, которые поэтесса неоднократно и с большой любовью вводит в свои произведения, как бы перекликаются с тем, что в эту эпоху находило отражение у самых разных мастеров. В кино, например, именно так снимала свой город Маргарита Гилихина. Но говоря именно о поэзии, о поэзии бардов, просто невозможно не видеть, как в долинских вещах — пишет ли она, допустим, о пирожках с капустой, кото-

рые некогда можно было купить у Сретенских ворот ("В нашей жизни стало пусто..."), либо дает описание куда-то бредущей женщины ("Формула") - а эти примеры можно продолжить, - в них словно просвечивают окуджавский "Полночный троллейбус", "Тонечка" Галича... Не случайно поэтому одни из лучших своих стихов Долина посвящает именно им, а также, конечно, Высоцкому, чья смерть осознается ею как личная трагедия.

В поэзии Долиной, естественно, имеется и некое женское начало. Знаменательно при этом, что тут она объявляет своим главным наставником Марину Цветаеву. Причем, связующими звеньями в ее стихотворении "От твоего дома..." становятся вполне реальные, так сказать, осязаемые понятия: хлеб, небо... Даже подмосковная речка Истра и Клин, откуда Долина родом, в этом исповедальном, а в некотором смысле, декларативном стихотворении, находят свое логическое "сцепление" с Камой и Елабугой, то есть, местами, оказавшими последний холодный поклон на родной земле вернувшейся на родину Цветаевой...

От твоей Камы
до моей Истры -
твоего пламени
все мои искры!

воскликает Вероника Долина. Но по ее очень тонкому и точному определению: "поэт - у древа времени отросток". Отсюда неизбежное обращение к темам, возникающим в текущем потоке окружающей ее жизни. Одна из них - эмиграция. Тема, в общем-то не слишком разработанная даже теми поэтами, которые в последние годы волею судеб оказались на Западе. Что же в таком случае говорить о тех, кто живет на родине и ехать никуда не собирается! В этом смысле, такие долиньские стихи как "Серая шейка" или "Эмиграция", на мой взгляд, являются определенным событием.

Поделившись тут отдельными размышлениями о поэзии Вероники Долиной и коснувшись далеко не всех аспектов ее творчества, а их, слава Богу, немало! - я думаю, что читатель этого сборника с удовольствием откроет для себя этот новый талант.

Виталий АМУРСКИЙ

I

Поэт у дрeва времени отросток

* * *

Поэт - у древа времени отросток,
Несчастный, но заносчивый подросток,
Обиженный, но гордый старичок,
Коры кусок, и ветка, и сучок...

Поэт - у древа времени садовник,
Босой, как нищий, важный, как сановник,
Носящий на груди свою беду,
Прозящий "подожди!" свою звезду.

Поэт - у древа времени воитель,
Чужой и тощей почвы освоитель.
Поэту поклонялись племена,
Поэту покорялись времена...

Стоит к стволу спиной - отчужденный,
Уже приговоренный, осужденный -
Сейчас его повесят на суку...
Вот так оно и было на веку.

Премудрое дитя, худой подросток,
Усохшего ствола тугой отросток,
Судьба твоя крошечна, краток путь -
И все-таки поэту древо будь!

Поэт - у древа времени отросток,
Несчастный, но заносчивый подросток,
Обиженный, но гордый старичок:
Кора, листва, садовник - дурачок!

I

От твоего дома
до моего сада,
от твоего тома
до моего взгляда,
от моего чуда
до твоего чада,
от моего жуда
до твоего ада;
от моего Клина
до твоего Крыма,
от моего сына
до твоего сына,
от твоего гроба
до моего хлеба,
от моего нѣба
до твоего неба;
от твоей соли
до моей силы,
от твоей боли
до моей были,
от твоей Камги
до моей Истры -
твоего пламени
все мои искры.

II

Как магический кристалл,
та цветаевская проза -
и молитва, и угроза,
и могила без креста.

По пруду идут круги,
шелестит листвой орешник,
чьи-то тихие шаги
проникают в мой скворешник.

Я читала на крыльце
без конца и без начала
и дитя свое качала
без печали на лице.

А еще один птенец
в тишине листает книги,-
а когда-то, наконец,
я припомню эти миги.

Ни разлуки, ни беды -
от крыльца ведет дорога
и видны еще немного
чьи-то давние следы.

И сияние в ночи,
озарение в ознобе,-
и сидим, обнявшись, обе
у мерцающей свечи.

СВЕЧА

А без света нет ночи,
Без ночи нет света.
Без поэта нет свечи,
Без свечи - поэт.

Для бродячих моряков
Маяков есть пламя.
Я - горящих мотыльков
Маленькое знамя.

Оттого-то и хочу
Я дожить до свету.
Не гаси меня - свечу -
Я свечу поэту.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Не боюсь ни беды, ни покоя,
Ни тоскливого зимнего дня.
Но меня посетило такое,
Что всерьез испугало меня.

Я проснулась от этого крика,
Но покойно дышала семья.
Вероника, - кричат, - Вероника,
Я - последняя песня твоя!

Что ты хочешь? - я тихо сказала, -
Видишь, муж мой уснул и дитя.
Я сама на работе устала.
Кто ты есть? Говори не шутя!

Но ни блика, ни светлого лика
И вокруг - темноты польнья.
Вероника, - зовут, - Вероника,
Я - последняя песня твоя!

Что ж ты кружишь ночною совою?
Разве ты надо мною судья?
Я осталась самую собою,
Слышишь, глупая песня моя!

Я немного сутулюсь от груза,
Но о жизни иной не скорблю.
О, моя одичавшая муза,
Я любила тебя и люблю!

Но ничто не возникло из мрака,
И за светом пошла я к окну.
А во тьме заворчала собака -
Я мешала собачьему сну.

И в меня совершенство проникло
И погладило тихо плечо.
Вероника, - шепча - Вероника,
Я побуду с тобою еще.

* * *

И не всегда ж я буду молодой
С горящим взором, с поступью победной...

А мнишь себя хорошенькой, но бедной -
Запомнишься незрелой и седой.

А небо нависает высотой,
Головка вороная - точно птичья...

А мнишь себя исполненной величья -
Запомнишься бездумной и пустой.

Мерцание увидишь вдалеке,
Утоптана дорога и открыта...

А мнишь себя с лампадою в руке -
Запомнишься стоящей у корыта.

Без отдыха, без воздуха душе
Взойдешь на старой ветке новой почкой...

А мнишь себя в раю и в шалаше -
Запомнишься единственной строчкой.

ЛЕГЕНДА О СФИНКСЕ

Мне другую ночь не спится -
Ох, тяжелые дела!-
То ли кошка, то ли птица,
То ли женщина была.

То она в огонь глядела,
То, забившись в уголок,
После плакала и пела
Или билась в потолок.

Я подумал: если баба,
Для чего ей два крыла?
А если птица, то она бы
Улететь вполне могла.

Но ходила у окошка
И лежала у огня -
То ли птица, то ли кошка,
То ли баба у меня.

Если птица, не годится
Ей стирать и убирать -
Надо же собой гордиться,
Птичью гордость не терять.

Но если вовсе ты не птица
И живешь в моем дому,
То зачем в окошко биться?
И кричать и петь к чему?

Но она не только пела,
Ясно помню: по ночам
Все она в огонь глядела -
Жарко делалось очам.

Но если ты породы дикой,
Для чего тебе крыла?
Ты царапай, ты мурлыкай -
А она-то не могла.

И однажды поздней ночью
Растворил я ей окно -
Ну раз она свободы хочет,
То добьется все одно.

И шагнула на окошко,
И махнули два крыла -
То ли птица, то ли кошка,
То ли женщина была.

* * *

От книги глаз не поднимаю
И до полночи не ложусь.
А.С., я вас не понимаю -
И очень этого стыжусь.

Когда дешевую гравюру
Мне на рожденье принесли,
А.С., - я спрашиваю сдуру, -
А.С., причем здесь Натали?
Ах, менуэты-силуэты,
Балы, вощеные полы.
Ах, канделябры, эполеты,
Еще - ломберные столы.
А посредине залы душной
Идут со свечками в руках
То Кюхельбекер простодушный,
То Пущин... Где он? В рудниках!
Читать историю занятно.
Прошу меня простить, А.С., -
Но до сих пор мне непонятно,
Как очутился здесь Дантес.

Я ничего не понимаю,
Хоть жгу четвертую свечу.
От книги глаз не поднимаю -
Я толком все понять хочу.

II

Между землей и небом

* * *

Жизнь была бы иной -
Не такую дурной,
Кабы ближних своих от лукавства избавить.
Упаси тебя, Боже,
Лукавить со мной,
Упаси тебя, Боже, лукавить!

Я привыкла платить
Дорогою ценой,
Да такой, что тебе нипочем не измерить.
Помоги тебе, Боже,
Лукавить со мной -
Только так, чтобы я не могла не поверить!

Эту тяжесть нести
До конца суждено.
Между тем, я хотела бы ношу оставить...
Упаси тебя, Боже,
Лукавить со мной,
Помоги тебе, Боже, лукавить!

Это промысел Божий -
Такие дела.
Жить не так, как другие, негоже.
Научи меня, Боже,
Чтоб лукавить могла,
Научи, научи, научи меня тоже!

ЗАКЛИНАНИЕ

Спаси его, разлука,
такая здесь морока,-
войди к нему без стука,
прильни к нему без звука,
возьми его за руку
и уведи далёко.

Храни его, надежда,
всему первопричина,
ведь он - юнец мятежный,
не робкий и не нежный,
а нам - что ни мужчина,
то новая морщина.

Дай Бог ему удачи
на каждом повороте,
а в жизни той собачьей
дай Бог ему тем паче,
даруй ему и с прочей
дорогу покороче.

Минуй его, сиянье
и почести земные,-
он будет жить далёко,
от нас на расстояньи,
и будут с ним заботы
и женщины иные...

* * *

Меж нами нет любви -
какая-то прохладца,
Как если бы у нас
сердца оборзались.
И как ей удалось
за пазуху пробраться?
Должно быть, мы с тобой
некрепко обнялись.

Меж нами нет любви -
не стоит суесловья.
Но снова кто-то врет
и "да" рифмует с "нет"
И снова говорит:
любовь, любви, любовью -
Холодные, как лед,
и чистые, как снег.

Но если нет любви,
тогда какого черта
Мы тянем эту нить
из вечного клубка
Затем, что не дано
любви иного сорта
И надо как-то жить,
раз живы мы пока?!

* * *

Как холодна моя рука!
Как неверна моя строка!
Давай условимся с тобою,
Что не расстанемся пока.

Как время глупое течет!
Куда-то нас оно влечет...
Давай условимся с тобою,
Что все прошедшее - не в счет.

Как далека сейчас беда!
Как высока моя звезда!
Давай друг другу поклянемся
Не делать худа никогда.

Как нынче сыплет снег с утра!
Как боль сердечная остра!
А завтра? Завтра... Что же, завтра -
Там новых клятв придет пора.

* * *

Иду по улице зимой
и не понятно мне самой,
как ни заносит
снегом:
хотя погода хороша,
болит, болит моя душа
между землей
и небом.

А где-то светится окно,
так поздно светится оно:
меня там
не хватает -
хотя погода хороша,
болит, болит моя душа,
ее ледок
не тает.

А скоро будет Рождество,
но это тоже ничего,
потом пройдет
и это,-
хотя погода хороша,
болит, болит моя душа,
ей облегченья
нету.

А можно так и дальше жить,
спешить, грешить,
людей смешить:
ни шатко и
ни валко.
Да и погода хороша,
но все болит, болит душа -
ее-то вот
и жалко!

ФОРМУЛА

Усталость преодолевая,
Бреду домой едва дыша.
Но тлеет точка болевая -
Ее еще зовут душа.

Сервис домашний, запах чайный,
Такой знакомый и простой.
И взгляд нечаянно печальный,
И детский профиль золотой...

Вот настроенье нулевое,
Тоска и смута вновь и вновь.
А вот - раненье пулевое,
Его еще зовут любовь.

Мне жребий выпал бесталанный
И я над ним три года бьюсь.
Меня не бойся, мой желанный,
Я и сама тебя боюсь.

Гляжу, от боли неживая,
Сквозь черный мрак на алый круг.
Вот это - рана ножевая
Твоих же рук, мой бывший друг.

Спешить сложить свои пожитки.
О том, что было, не тужить.
Сушить в альбоме маргаритки,
Раз в доме снова ни души.

Усталость преодолевая,
Бреду домой едва дыша.
Но тлеет точка болевая -
Ее еще зовут душа.

Я знаю: поздно или рано
Умру под бременем грехов.
Но все мои бывшие раны
Живут под именем стихов.

* * *

Прошу себе не красоты -
Причины вески.
Смягчи, Господь, мои черты,
Они так резки.

Когда я в зеркало гляжусь
Зверушкой мелкой,
Себе я, Господи, кажусь
Пугливой белкой.

Ну, если уж на то пошло,
Пусть буду птицей -
Тогда мне ниже крон крыло
Не даст спуститься.

Хотя я верую в любовь
И это греет,
Но тут ведь выследит любой,
Любой подстрелит.

И снова зеркала стыжусь,
А голос тонок:
На что я, Господи, гожусь?
Где мой бельчонок?

Но не кричу - молчу, держусь
На этой боли,
Хотя божусь, что не гожусь
Для этой роли.

СНЕЖНАЯ БАБА

Была я
баба нежная,
а стала
баба снежная:
стою
ничьей женой
под горкой
ледяной.

Была я
баба нежная,
а стала
баба снежная.

Вот и вся
любовь,
вот и нос -
морковь,
и колпак
из ведра,
и метла
из бедра.

Была я
баба нежная,
а стала
баба снежная...

* * *

Моя любовь печальная,
Моя любовь запретная,
Она вполне реальная,
Живая и конкретная.

Моя любовь семейная,
Бог вещь, какая сложная.
И есть и, тем не менее, -
Ужасно невозможная.

И мне в исход не верится:
Я - тоже обрученная.
Любовь моя, ты - смертница.
Прости нас, обреченная!

Ну, хочешь, я погибну вновь? -
Не в том дурное самое.
Живи со мной, моя любовь,
Внебрачное дитя мое.

Я, вероятно, - грешница.
Так что ж со мною станется?
Со мною он утешится,
А с тою не расстанется.

Где ж станция конечная?
Где музыка победная?
Ах, женщина ты, женщина,
С огнем играешь, бедная!

ОГОНЬ

Я играла с огнем,
не боялась огня,
мне казалось, огонь
не обидит меня, —
он и вправду не жег
мне протянутых рук:
он горячий был друг,
он неверный был друг.

Я играла с огнем
вот в такую игру:
то ли он не умрет,
то ли я не умру, —
я глядела в огонь,
не жалеючи глаз,
он горел и горел,
а однажды погас.

Я играла с огнем
до поры, до поры,
не предвидя особых
последствий игры, —
только отблеск огня
на лице у меня,
только след от огня
на душе у меня...

* * *

Я - неразменная монета,
А ты пустил меня по свету,
Как тень простого пятака...

А я по праву неразменна
И нахожусь я неизменно
В кармане пиджака.

Я - неразменная монета,
Тобой подобранная где-то.

А что купить за пятачок?
Да так, какой-то пустячок.
И ты б купил наверняка,
Но неразменная монета -
Опять в кармане пиджака.

Вот узаконенный размен:
Одна любовь на пять измен.
Меняю крупные на мелочь -
Нельзя же жить без перемен.

Я - неразменная монета.
А ты, хотя немало жил,
Меня другому одолжил.

И тот сейчас у турникета
Стоит, пуста его рука.
Я ж - неразменная монета -
Опять в кармане пиджака.

Я - неразменная монета.
Ты до сих пор не понял это.

И мне не должно быть в кармане
Ни дурака, ни чужака.
Я - неразменная монета -
В твоём кармане пиджака.

РОМАНС

Не все же мне девчонкой быть
Изменчивой и скверной.
Позвольте мне вас полюбить,
Позвольте быть вам верной.
Я знаю, как я поступлю -
Толкуйте, как причуду.
Позвольте, я вас люблю,
Позвольте, верной буду.
О, наше женское жите,
Забавнейшая штука:
Мужей питье, детей нитье...
Наука нам, наука!
Но как мне хочется унять
Свой голос музыкальный.
Позвольте к вам не применять
Сей меры радикальной.
Не стану вас обременять
Любовью чрезмерной.
Позвольте вам не изменять,
Позвольте быть вам верной.
Мы будем жить и не тужить
Уж до ста лет, наверно.
Позвольте только с вами жить,
Позвольте быть вам верной.

* * *

А хочешь,
я выучусь шить?
А, может,
и вышивать.
А хочешь,
я выучусь жить?
И будем
жить-поживать...
Уедем
отсюда прочь,
Оставим
здесь свою тень.
И ночь у нас
будет ночь
И день у нас
будет день.
Ты будешь ходить
в лес
С ловушками
и ружьем.
О, как же весело
здесь,
Как славно
мы заживем!

* * *

Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила,
Всех видов и мастей.

И, глядя головы птенцов,
Я вспоминала б их отцов:
Одних - отцов семейства,
Других - совсем юнцов.

Их не коснулась бы нужда,
Междоусобная вражда -
Уж слишком были б непохожи
Птенцы того гнезда.

Мудрец научит дурака,
Как надо жить наверху.
Дурак пускай научит брата,
Вкушать, как жизнь сладка.

Сестра-простушка учит прясть,
Сестра-воровка учит красть,
Сестра-монашка их научит
Молиться, чтобы не пропасть.

Когда б я сделалась стара,
Вокруг накрытого стола
Всю дожину моих потомков
Однажды б собрала.

Как непохож на брата брат,
Но как увидеть брата рад!
И то, что этим братья схожи -
Дороже во сто крат.

Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила,
Всех видов и мастей.

* * *

У маленькой любви
Коротенькие руки,
Коротенькие руки - огромные глаза.
В душе ее поют неведомые звуки,
Ей вовсе не нужны
Земные голоса.

Бесценных сил твоих,
Живет, не отнимая,
Не закрывая глаз, не открывая рта -
Живет себе, живет твоя глухонемая
Святая глухота,
Святая немота.

У маленькой любви
Ни зависти, ни лести -
Да и зачем, скажи, ей зависть или лесть?
У маленькой любви - ни совести, ни чести.
Да и почем ей знать,
Что это где-то есть?

У ней - короткий век.
Не плыви в ее колодец,
А посмотри смелей самой судьбе в глаза:
Пускай себе живет на свете твой уродец,
Пускай себе хоть час,
Пускай хоть полчаса!

У маленькой любви -
Ни ярости, ни муки:
Звездой взошла на миг, водой ушла в песок.
У маленькой любви - коротенькие руки,
Огромные глаза
Да грустный голосок.

* * *

Что она плачет? Ну что она плачет?
Что это значит? Что же это значит?
А что она чувствует? Да что ж она чувствует,
Ежели он дома, дома не ночует!

А что она видит? Да ничего не видит -
Только ждет, что выйдет, что из того выйдет.
А что она может? Да все она может:
Словно пса, привяжет, как коня, стреножит.

А что же с ним будет? Да ничего не будет:
Голову повесит, завтра все забудет.
А что же с ним будет, коли не забудет?
А коли не забудет, все иначе будет.

А коли не забудет - Бог знает, что будет...

КУКОЛЬНИК

Кукольник, кукольник, черная душа,
Что ты делаешь с бедною куклой?
Ведь она на тебя заглядится не дыша -
Не успеет со стиркой и с кухней.

Кукольник, кукольник, серые глаза,
Ты так смотришь, что голова кружится.
Вот она и глядит, а глядеть ей нельзя:
Надо с кукольным мужем ужиться.

Кукольник, светлая ты голова,
Ты стоишь, словно бог, перед куклой.
Кукла смотрит едва, кукла дышит едва -
Все на свете ты ей перепутал.

Кукольник, что ж, от себя не таи -
Не опасно твое обаянье.
Никому не страшны злодеянья твои,
Никому не нужны покаянья.

Только ей и страшны злодеянья твои,
Только ей и важны покаянья.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ШАРМАНЩИКА

Прощай, мой вороненочек,
Хотя б махни крылом.
Словечко оброненное
Не слышно за углом.

Обманчиво, заманчиво
Поет себе сама:
Шарман, шарман, шарманщика
Сведет еще с ума.

Прощай, моя красавица.
Осенний воздух чист.
Пускай тебе понравится
Безусый гимназист.

Ты станешь мучить мальчика -
Ему не избежать.
Шарман, шарман, шарманщика
Тебе не удержать.

Прощай, окно багровое,
Ты смотришь на закат.
Прощай, житье суровое -
Я не вернусь назад.

Намучишься, намаешься
До боли под ребром.
Шарман, шарман, шарманщика
Не сманишь серебром.

Прощай-простимся, улочка,
Старинное кольцо.
Куда ты смотришь, дурочка?
Ты мне смотри в лицо!

Ты - девочка-цыганочка -
Не знаешь ничего.
Шарман, шарман, шарманочка
Из сердца моего.

* * *

Мой сын
 безбожно на отца похож:
Он так же светлоглаз и белокож.
Я часто,
 глядя на него, не верю,
Что это сын мой, что ему я — мать.

И я боюсь,
 что сходство неспроста,
Что время все поставит на места.
И женщине,
 как я, черноволосой,
Он тоже будет что-то объяснять.

Она, кивая,
 выслушает речь.
Останется в подушке контур плеч.
И тоже,
 точно так, как я когда-то,
Все будет вспоминать его слова.

Слова ведь
 тоже были неспроста:
Одна лишь строчка посреди листа.

И мне они
 давным-давно забылись:
Любимая, ты слишком уж смугла...

А впрочем,
 только время им судья,
Одно лишь только время, но не я.
И если он
 ту женщину оставит,
Пожму плечами - дескать, ну и что ж?

А женщина
 останется одна
И назовется "бывшая жена",
И вот ведь штука -
 родит мне внука,
Который тоже будет на него похож.

* * *

Сто женщин, сто младенцев есть во мне -
Оригинальное такое свойство
Родне моей внушает беспокойство,
Хотя какая разница родне?

Сто душ в душе ношу - что за житье!-
Чтоб все они во мне перемежались.
Но все в какой-то миг перемешались
И приняли обличие мое.

Пока я беспокоюсь и шучу,
Все сто детей затеяли пятнашки.
А женщина гадает по ромашке,
И все выходит так, как я хочу.

Теперь мой тихий дом - не дом, а храм,
Звучит моя молитвенная строчка.
А женщина по кличке "одиночка"
Живет в моей душе, как свежий шрам.

Мужчина, нелюдим и нелюбим,
Теперь к тебе заходит слишком редко,
А ты лепечешь... Что же делать, детка,-
Ведь он не нам одним необходим.

Да будет жизнь твоя чистым-чиста
За то, что ты транжирила сначала!
Да будет все теперь, как ты мечтала!
И пусть тебя минует пустота.

Сто женщин, сто детей - но жизнь идет.
И вот что каждый день меня тревожит:
Боюсь, что жизнь число еще умножит -
Утроит или в степень возведет.

А как я тяжесть вынесу свою?
А как я жизнь свою сложу тем паче?
Вон у дюймовочки родился мальчик-с-пальчик:
Оберегайте, люди, их семью!

ПОЛНОЛУНИЕ

И была на целом свете тишина,
И плыла по небу рыжая луна.

И зайчоночка волчиха родила,
И волчоночка зайчиха родила.

И зайчиха была верная жена,
И волчиха была верная жена,

Но зайчиха теперь мужу не нужна
И волчиха теперь мужу не нужна.

Ты зачем, жена, зайчонка принесла?
Он от голода, от холода помрет.

Ты зачем, жена, волчонка родила?
Он окрепнет, осмелеет — нас пожрет.

Та качает свое серое дитя,
Та качает свое сирое дитя.

Та качает свое хищное дитя,
Та качает свое лишнее дитя.

И стоять на целом свете тишине
И луне на небо черное всходить.

И зайчоночка родить одной жене,
А другой жене волчоночка родить.

КАНАРЕЙКА

Много знаем птиц, но редко
Кто вопросы задает:
Кто такая канарейка?
Для чего она живет?

Не чернеет, как ворона,
Не белеет, как голубка,
Не синее, как синица,
И как утка, не плыет.

Не стрекочет, как сорока,
Не несется, как наседка,
Не кукует, как кукушка -
Для чего она живет?

В тесной пыльной комнатке
Занавешенная клетка -
Кто пока не понимает,
Обязательно поймет.

Будто кактусы в горшочке,
Будто фикусы в кадшке,
Будто коврик с лебедями,
Будто старенький комод.

Тяжкий поиск каждой крошки
Воробей ведет на ветке,
По двору гуляют кошки
И глядят на голубей.

Ничего, что на окошке,
Ничего, что занавески,
Ничего, что не навеки,
А зато - среди людей.

III

Нет и не было покоя

* * *

Я сама себе открыла,
я сама себе шепчу:
я вчера была бескрыла —
а сегодня полечу.

И над улицей знакомой,
и над медленной рекой,
и над старенькою школой,
и над маминой щекой.

Как ни грело все, что мило,
как ни ластилось к плечу:
я вчера была бескрылой,
а сегодня полечу.

Над словцом неосторожным,
над кружащим над листом
и над железнодорожным
над дрожащим над мостом.

То ли дело — эта сила,
то ли дело — высота,
я вчера была бескрыла,
а сегодня я не та!

Кто-то землю мне покажет
сверху маленьким лужком:
на лужке стоит и машет
мама аленьким флажком.

Было время: смех и слезы,
не бывало пустяков,
слева - грозы, справа - грозы,
рядом - стаи облаков.

Как ни мучались, ни звали
кто остался на лугу,-
я вчера была бы с вами,
а сегодня не могу.

Не могу!..

НА ДАЧЕ

Никуда отсюда не деться -
Время мчится, как лихой всадник.
Я тоскую о тебе, детство,
Как тоскует о тебе всякий.

Вот иду той же аллеей
И сама с собою толкую.
Ни о чем я не сожалею,
А тоскую, тоскую...

А на даче спят два сына.
Я читала о таком, помню,-
Но не думала, что так сильно,
И не думала, что так полно.

Помнишь белку в колесе? Белке
В клетку кинули орех грецкий.
Не прощу себе свой грех мелкий,
Но прощу себе свой страх детский.

Вот заветное скоро место:
Я тропинок не забывала.
Здесь лежит мое королевство -
Я сама его зарывала.

Не глядеть назад - лучший принцип
И от муки верное средство.
Но, наследные мои принцы,
Что получите вы в наследство?

И подумалось без кокетства:
Все что ни было со мною - важно.
Я тоскую о тебе, детство,
Как тоскует о тебе каждый.

Неразрывные твои сети,
Невозможное мое бегство...
Там на даче спят мои дети,
Там на даче спит мое детство.

* * *

Ничего не помню больше.
Нет и не было покоя,
Нет и не было покоя -
Детство билось о края.

- Няня, что это такое?
Няня, что это такое?
- Детка, что ж это такое -
Это Сретенка твоя.

Ничего не помню дальше.
Нет и не было покоя,
Нет и не было покоя -
Стыла птица у воды.

- Няня, что это такое?
Няня, что это такое?
- Детка, что ж это такое -
Это Чистые пруды.

Ничего не помню, кроме:
Нет и не было покоя,
Нет и не было покоя -
Звезды падали со лба.

- Няня, что это такое?
Няня, что это такое?
- Детка, что ж это такое -
Это все твоя судьба.

Ничего не помню больше,
Голос делается глуше:
Я отстала, я пропала,
Я осталась позади.

- Няня-няня, баба Груша,
Няня-няня, баба Груша,
Няня-няня, баба Груша,
Подожди, не уходи!..

* * *

- Ах, дочка,
о чем ты плачешь,
за что ты платишь?

- Ах, дочка,
я в твои годочки
уже с твоим отцом
стояла под венцом.

- Ах, мама,
венчаться мало -
ну, обвенчалась ты с отцом,
совсем юнцом, чужим птенцом...

- Ах, дочка,
я в твои годочки
давно с твоим отцом
рассталась с подлецом!

- Ах, мама,
расстаться мало:
один - подлец, другой - глупец,
да и не о том я, наконец!

- Ах, дочка,
я в твои годочки
хоть не жила уже с отцом,
а все ж бела была лицом.

- Ах, мама,
лица-то мало...
а что я не бела лицом -
так я же балуюсь винцом,
ведь ты же знала.

- Ах, дочка,
я в твои годочки
хоть и жила почти вдовой,
была румяной и живой,
а ты девица - не вдова,
а только теплишься едва.

- Ах, мама,
уж осталось мало...
и не жена и не вдова,
и ни жива и ни мертва,
а то, что черное ношу,
о том не спрашивай, прошу!

- Ах, дочка,
о чем ты плачешь,
за что ты платишь?
чем согрешила,
куда спешила?- себя решила...

* * *

В нашей жизни стало пусто -
Не вернешь себя назад.
Где вы, пирожки с капустой?
Где ты, райский аромат?

Продавали по соседству
Там, у Сретенских ворот.
Меня баловало детство -
Все теперь наоборот.

Мне уже все двадцать с гаком.
Как летят мои года!
Не забуду сушки с маком,
Не забуду никогда!

О, мороженщик-шарманщик!
О, любви запретный бес!
Мне фруктового стаканчик
Нынче нужен позарез.

Где вы, уличные сласти?
Где бушующие страсти?
Где ты, святочный уют?
Ничего не продают.

Я свое заброшу дело,
Я пойду, куда давно
Я уже пойти хотела -
В престарелое кино.

И откроются киоски,
Только выйду из кино.
Тетка с видом эскимоски
Мне протянет эскимо.

Я пойму: в Москву большую
Опустилось божество.
Пирожки с капустой чую,
Ощущаю волшебство.

МЕДВЕЖОНОК

Ах, какой ты славный! Лапки, хвостик, уши.
Я сегодня манной каши не докушал,
И тогда-то странный случай приключился:
Медвежонок манный из комков слепился.

Он чуть-чуть непрочен, глазки из смородин,
А зато на прочих не похож уродин.
А чтоб был замечен труд мой ненапрасный -
Из брусники красной язычок прекрасный.

Я сказал верзиле-дяде в магазине:
Сколько бы медведей к вам ни завозили,
Нет у вас такого. Он же бесподобен!
Он еще удобен тем, что и съедобен.

Дядя согласился и спросил покорно:
Почему твой мишка белый, а не черный?
Что он - иностранный? А я ответил гордо:
Он - из каши манной, и спина и морда.

Дядя был неглупый - это-то и гложет.
Он сказал, что взрослый так слепить не может.
А почему не может, никто не угадает -
Просто каждый взрослый кашу доедает.

* * *

Не расти, дитя мое!
Что в том толку?
Можешь - малость самую.
Но и только.
Я сегодня потерял
Синий мячик,-
На руках у матери
Плачет мальчик.

Долго ль будем нянчиться,
Радость наша?
Вырастешь - наплачется
Твоя мамаша.
Голова закружится
Беспричинно,
Тут и обнаружится:
Ты - мужчина.

Женщина потопчется
У порога,
Вспомнится потом еще -
Недотрога.
Как я это самое
Представляю.
Не расти, дитя мое,
Умоляю!

* * *

Играйте все этюды Черни,
И никакой на свете скверне
На ваших пальцах не бывать!
Все десять заняты этюдом,
На вид - трудом, по сути - чудом,
Не будем это забывать.
А звук прелюдий Майкапара,
А смены холода и жара,
Которых стоил мне урок?
И как тогда мне не игралось:
Откуда что бралось и бралось -
Какой во мне безрукий прок!
Но время шло, и я привыкла,
И имя "геттики" возникло,
И надорвался педагог.
Да я не музыкой гнушалась -
Но слишком часто мне внушалось,
Какой во мне безрукий прок.
Так где вы были, Моцарт, Шуберт?
Они сейчас меня погубят!
Где вы, Шопен и Мендельсон?
Вот так урон непоправимый,
Хотя, как сон, неуловимый
Мне был когда-то нанесен.

Картины эти невозвратны.
Те имена невероятны:
Клементи, Черни, Майкапар.
Ведь до сих пор не понимаю,
Но лихом их не поминаю,
А помню: школа, холод, жар.

ТАЛЛИН

Если ратушь касалась бы ретушь,
Как фотографии - глянца лица,
Мы с тобою увиделись... Нет уж,
Не забудем теперь до конца.

Помнишь челку моя смеляную,
Помнишь жилку на сгибе руки?
Ты меня вспоминаешь иную -
И без проседи и без тоски.

Все, что дорого, длится недолго,
Все не вспомнится - да и зачем?
Посреди твоего Кадриорга
Я стою, растерявшись совсем.

Вот такая была я смешная:
Все смешным мне казалось вокруг.
Вот такая была я ручная -
Даже белок кормила из рук..

Долго помнили мы друг о друге
И опять повстречались, как встарь.
Снова здравствуй, заржавленный флюгер,
Снова здравствуй, чугунный фонарь.

Разговор поведем понемногу,
Не отыщем местечка нигде.
Не живу на широкую ногу,
Но с тобой - на короткой ноге.

Сквозь туман, как сон старинный,
Проступают далеко
Этот Герман, вечно длинный,
Вечно толстая Марго...

ЭМИГРАЦИЯ

Есть у времени иллюстрация
Черно-белая, необрамлена.
Эмиграция, эмиграция...
Я прощаюсь с тобой, сестра моя.

Ты сегодня звалась Мариною -
Завтра будешь Мария-грация.
Это что-то неповторимое:
Эмиграция, эмиграция...

Я запомню их лица белые,
Этих лиц выражения
И движения пальцев беглые,
И руки моей положение.

Эмиграция, эмиграция...
Провожаящие, - на примете вы.
Регистрация, регистрация:
Регистрация в Шереметьево.

Эмиграция, эмиграция...
И снимаются с места стаями.
О, осенняя птиц миграция -
Поднялись и во тьме растаяли.

Ну, видать, пора собираться мне,
Если это само не кончится.
Эмиграция, эмиграция...
Мне лететь никуда не хочется.

До свиданья, Мария-грация,
Позабудь дорогу обратную.
Эмиграция, эмиграция...
Это что-то невероятное!

Там далёко родится девочка
И, когда расцветут акации,
Называть ее станут Эмочка,
Если полностью - Эмиграция.

СЕРАЯ ШЕЙКА

Какие тут шутки,
Когда улетает семья!
Последствия жутки -
Об этом наслышалась я.

Судьба - не копейка,
Мне попросту не повезло:
Я - Серая шейка,
И мне перебили крыло.

Семья улетает.
Прощайте, прощайте, семья!
Меня угнетает,
Что сестры сильнее, чем я.

Взлетай, неумейка! -
Мне эхо с небес донесло.
Я - Серая шейка,
И мне перебили крыло.

Гляжу близоруко,
Гляжу безнадежно во мглу,
Но я - однорука
И, значит, лететь не могу.

Счастливо, счастливо!-
Кричу я вдогонку семье
Тоскливо, тоскливо
Одной оставаться к зиме.

Тоскливо и жутко
Готовиться к лютой зиме.
Последняя утка,
Последняя утка на этой земле.

Судьба - не копейка, -
Мне здешние птицы твердят.
Я - Серая шейка,
Пускай меня лисы съедят!..

* * *

На мосту, где мы встречались,
Фонари едва качались.

Мы ходили по мосту,
Мы любили высоту.

Под мостом, где мы встречались,
Годы быстрые не мчались,

Не гудели корабли -
Поезда спокойно шли.

На мосту, где мы встречались,
Наши муки не кончались:

Поглядев на поезда,
Расходились кто куда.

Ибо мы бездомны были,

Высоту мы не любили,

Но ходили мы туда -
Больше было некуда.

Над мостом, где мы прощались,
С той поры года промчались...

Вот я встану на мосту
И достану пустоту.

* * *

Помилуй, Боже, стариков,
Их головы и руки!
Мне слышен стук их башмаков
На мостовых разлуки.

Помилуй, Боже, стариков,
Их шавок, васек, мосек,
Пучок петрушки, и морковь,
И дырочки авосек!

Прости им злые языки,
И слабые сосуды,
И звук разбитой на куски
Фарфоровой посуды,

И пожелтевшие листки
Забытого романа,
И золотые корешки
Мюссе и Мопассана.

Ветхи, как сами старики,
Немодны их одежды.
Их каблуки, их парики -
Как признаки надежды.

На них не ляжет пыль веков:
Они - не из таковских.
Помилуй, Боже, стариков,
Особенно, московских!

* * *

Старинная миниатюра,
Где, где, скажи, твоя натура?
Она была ли вообще?
И несминаемые букли,
И нечитаемые буквы
У монограммы на плече?
Над столиком стеклянным стоя,
Задумаюсь над тем и тою,
Что жили-были в те века.
И этот лак, и этот глянец
На гордый взгляд, сухой румянец
Клала истории рука.
Старинная миниатюра
Глядит обиженно и хмуро -
Век позапрошлый на крыльце.
Приди, ценитель малой формы,
Черты Петра или Лефорта
Найди вот в этом гордеце.
Да, власть над сердцем медальсна
Сильна, но неопределенна.
И живопись не велика.
Придворную любую чурку
Возьмешь, воткнешь в миниатюрку:
И вот - осталась на века.

* * *

Как ваша светлость поживает?
Как ваша светлость поживает?
О чем она переживает?
Достаточно ли ей светло?

Ах, худо, друг мой, очень худо.
Мы все надеялись на чудо -
А чуда что-то нет покуда,
А чуда не произошло.

Что вашу светлость удручает?
Что вашу светлость огорчает?
Что вашу светлость омрачает? -
Вас любит люд и чтит вас двор.

У черни что же за любви?
Все время вилы наготове.
А двор, прости меня на слове,
Что ни сеньор - дурак и вор.

У вас, мой герцог, ностальгия,
Но вас утешит герцогиня -
Она ведь верная подруга,
Ваш брак, я слышал, удался.

Мой друг, мы с вами с детства близки,
Скажу вам: женщины так низки.
Супруга мне - уже не подруга,
И с ней живет округа вся.

Не нанося стране урона,
Я отрекаюсь, друг, от трона.
Кому нужна моя корона?
И жизнь моя, скажи - кому?

Какой тебе я, к черту, светлость!
Долой и чопорность и светскость!
Пойдем-ка лопать макароны
В ту симпатичную корчму.

Как ваша светлость поживает?
Как ваша светлость почивает?
О чем она переживает?
Достаточно ли ей светло?

Ах, худо, друг мой, очень худо.
Мы все надеялись на чудо,
А чуда так и нет покуда,
А чуда - не произошло.

IV

И станут возрождаться имена

Галичу

I

Былое нельзя воротить,
а грядущее катится...
Два бога над нами,
два бога: покой и комфорт.
А все-таки жаль,
что нельзя Александра Аркадьича
Нечаянно встретить
в метро "Аэропорт"!
Поэта свое не болеет -
он все об общественном.
Метелям мести
и капелям всегда моросить.
А все-таки жаль,
что хотя бы о самом существенном
Его самолично
нельзя, наконец, расспросить.
Мы выйдем на воздух,
пройдемся и сядем на лавочку,
И будет бежать
и спешить Ленинградский проспект.
Возьмется за сердце
и скажет спокойно и ласково:
Какой же в истории
вас беспокоит аспект?

Вот майская веточка,
белая, будто на выданье,
Давно позабыла уже
о минувшей зиме.
Простите мне, деточка,-
скажет он,- все-то я выдумал:
Куда как прекрасно
живется на нашей земле!
Мы с лавочки встанем -
на этом беседа закончится.
Я тихо пойду -
и покой воцарится в душе.
Мне больше спросить
у него ничего не захочется,
А если захочется -
я не успею уже.
Былое нельзя воротить,
а грядущее катится.
Два бога над нами -
два бога: покой и комфорт.
А все-таки жаль,
что нельзя Александра Аркадьича
Нечаянно встретить
в метро "Аэропорт"!

II

Не пускайте поэта в Париж -
Пошумит, почудит, не поедет.
Он поедет туда, говоришь,
Он давно этим бредит.

Не пускайте поэта в Париж -
Там нельзя оставаться.
Он поедет туда, говоришь,
Не впервой расставаться.

Не пускайте поэта в Париж -
Он поедет, простудится. сляжет.
Кто ему слово доброе скажет?
Кто же тут говорил? - говоришь.

А пройдут лихорадка и жар,
Загрустит еще пуще:
Где ты, старый московский бульвар?
Как там бронзовый Пушкин?

Он такое, поэт, существо -
Он заблудится, как в лабиринте.
Не берите с собою его.
Не берите его, не берите!

Он пойдет, запахнувши пальто,
Как ребенок в лесу, оглядится...
Ну и что, говоришь, ну и что?—
Он бы мог и в Москве заблудиться.

Все равно где ни жить, говоришь.
Кто поймет, говоришь, не осудит.
Не пускайте поэта в Париж —
Он там все позабудет.

Все равно где ни лечь, говоришь,
Под плитой да под гомоном птичьим.
Не пустили б поэта в Париж —
Он лежал бы на Новодевичьем.

Окуджаве

Я с укоризной богу говорю:
Прости, господь, что я тебя корю,
Но я горю, ты видишь сам, как свечка,
Когда глаза в глаза тебе смотрю.

Бог отвечает: это пустяки.
Ну что тебе не спится, не живется?
Смотри, вот-вот твой голосок сорвется,
Сердечко разобьется на куски.

А я с волнением: боже, извини,
Ты положенье все же измени -
Ты видишь, как мне далеко до неба
И как уже далёко от земли?

Бог отвечает: дурочка моя,
Я ни за что на свете не в ответе.
А если б мог решать проблемы эти,
Я б был не бог, я б был не я.

О боже, я в тревоге и тоске,
Я полагаю - ты-то мне поможешь.
А ты не можешь, ничего не можешь,
Хоть я прошу о сущем пустяке.

Но господа упрек мой рассердил -
Махнув рукой, он скрылся в переулке.
Бог жил в Безбожном переулке
И на прогулку пуделя водил.

I

Поль Мориа, уймите скрипки.

К чему нагрузки?

Его натруженные хрипы -

Не по-французски.

Пока строка, как уголь, жжется,

Пластинка трется,

Пусть помолчит, побережется -

Не то сорвется.

Всадник утренний проскачет,

Близкой боли не тая.

Чья-то женщина заплачет,

Вероятно - не твоя.

Лик печальный, голос дальний,

До небес подать рукой.

До свиданья, до свиданья...

До свиданья, дорогой!

А кто-то Гамлета играет,

Над кем не каплет.

И новый Гамлет умирает...

Прощайте, Гамлет!

Но вот и публика стихает,
Как будто чувствует:
Пусть помолчит, не выдыхает -
Его минует...

По Таганским венам узким
Изливается Москва.
А вдова с лицом французским
Будет много лет жива.

Вон газетчик иностранный
Дико крутит головой.
Кто-то странный, кто-то пьяный,
Кто-то сам полуживой.

Усни спокойно, мой сыночек,
Никто не плачет.
О, этот мир для одиночек
Так много значит!

Переулочек глубокий -
Нету близкого лица.
Одинокий, одинокий -
Одинокий до конца!

II

Полгода нет Высоцкого -
Его полет высок.
Пощупаю висок себе -
Пульсирует висок.

Собрания многотомные
Нетронуты в углу.
И тяжесть многотонная
Клонит меня к столу.

Не обморочно синее
Сиянье в небесах,
А облачное, зимнее
Стоит в его глазах.

Как на море Балтийское -
Осколки янтаря,
Так я пошла отыскивать
Осколки января.

Покуда свечка теплится
На самом уголке,
Не терпится, не терпится
Горячечной строке.

Жемчужное, ненужное...
Страна недалеко,
Когда родится вьюжная,
Метельная строка.

Недолга ласка царская.
Но среди ночей и дней
Горит строка январская
Все жарче, все ясней.

Трудись, рука. Просись, рука.
К огню тянись, рука.
Родись, строка российская,
Мятежная строка.

III

Отболело. Отстучало.
Отошло.
Отшумело, где журчало,
Где жило.

Стало будто пруд холодный,
Темный пруд.
Много врут про вас, Володя,
Много врут.

Уложило, укачало
След в пыли.
Проводила, помолчала -
Все ушли.

На дороге, на свободе,
На ветру
Много врут про вас, Володя.
Я не вру.

Утолится, утомится
От и до -
А кладбищенская птица
Вьет гнездо.

Дотянуться от ограды
До лица.
Не мешал бы свет лампы
Сну птенца.

Выбираю час свободный -
День и свет.
Весь наш труд есть пруд холодный:
Тень и след.

Что возьмут с собою годы?
Что сотрут?
Мало врут про вас, Володя,
Мало врут...

IV

Годовщина, годовщина -
Встречи горькая причина.

Наступила тишина -
Помяни его, страна!

Годовщина, годовщина -
Не свеча и не лучина.

Не лампадный фитилек -
В пепелище уголек.

Годовщина, годовщина...
Эта новая морщина

На моем живет лице,
Будто память о певце.

Годовщина, годовщина,
А тоска неистощима.

И несется над Москвой
Хриплый голос твой живой.

Годовщина, годовщина,
Мать-страна качает сына:

Баю-баю, спи, сынок,
Я с тобою сбилась с ног.

Годовщина, годовщина.
Города умолкли чинно.

Но рыдает, как вдова,
На груди его Москва.

V

Была еще одна вдова -
О ней забыли.
Ну, может, вспомнили едва,
Как гроб забили.

Она жила невдалеке,
Жила в сторонке.
Был уголок в ее руке
От похоронки.

Она привыкла и смогла
С другим быть рядом.
Она давно уже жила
Иным укладом.

Но день июльский - стынет кровь -
Какой морозный!
Кому бессмертную любовь
Б наш век бесслезный?

Его отбросило волной -
Ее прибило.
Она была его женой,
Она любила.

Не приближаясь, стороной
Идет по кромке,
По самой кромке от взрывной
Его воронки.

Была еще одна вдова
В толпе гудящей.
Любовь имеет все права
Быть настоящей.

Друзья, сватья и кумовья
Не начертали.
А ей остались сыновья
С его чертами.

ДОМ В КЛИНУ

Дом Чайковского в Клину -
старая открытка.
Подержи меня в плену,
старая капитка.

Помнишь, помнишь, как с утра
пробегала бричка
И по имени Сестра
протекала речка?

Дух кувшинки от болот,
дух пчелы от меда.
Кто потом тебя поймет,
русская природа?

Кто еще, спустившись в сад
на заре дремотной,
Повернет скорей назад
к рукописи нотной?

Кто споткнется без причин,
но найдет причину,
Увидав, как птичий клин
сверху машет Клину?

Где подсвечник отразит
лаковая крышка,
Там усталость погрозит
пальцем: передышка.

Кто потом заплачет всласть
над листом бумаги?
Где еще имеют власть
точки и зигзаги?

Это птичье колдовство
вскрикнет и сорвется.
Эта клинопись его
музыкой зовется.

* * *

Давно забыть тебя пора,
А сердцу хочется иначе.
Подружка юности, сестра,
Я о тебе поныне плачу.

Тогда сошла на землю мгла,
Выл одинок мой зов напрасный
К тебе, которая смогла
Забыть меня в мой день ненастный.

Как отсеченная рука
Болит и ноет в месте жеста,
В душе мой саднит пока
Твое пустующее место.

Была, как яблоко, смугла,
Была, как облако, прекрасна
Все ты, которая смогла
Забыть меня в мой день ненастный.

Немало дней прошло с тех пор,
Когда душа любила душу.
Ты нарушала уговор -
Ну что ж, и я его нарушу.

Я знаю все твои дела,
Твой путь прямой и безопасный.
Ты — та, которая смогла
Забить меня в мой день ненастный.

Ни слова больше о тебе.
А позабыть смогу едва ли:
Ты по моей прошла судьбе,
Но слава Богу — лишь вначале.

Когда бы юность не зажгла
В груди моей тот свет бесстрастный,
То ты бы снова предала
В мой черный день, в мой день ненастный.

* * *

Боль сердца моего -
сестра.

Мы с нею видимся не часто,
и вот от этого несчастья
моя любовь к ней
так остра.

Когда мы с ней
увидимся опять,
предвижу, как я снова онемею,
предчувствую, что снова не сумею
ее нежнее прежнего
обнять.

Кого в наш век
бетона и стекла
такая боль не гложет и не точит?
И мучаются все, и каждый хочет,
чтоб эта боль неясная
прошла.

А наша власть
над жизнью чужой
такие странные имеет формы:
все сами по себе, но до сих пор мы
к родной душе
все тянемся душой.

Боль сердца моего -
сестра.
А может, надо - чтоб болело
и в очаге потухшем тлела
зола
ребячьего костра?

Когда потом
привязанности рой
вкруг каждого заплещет и закружит,
вдруг человек заплачет - обнаружит,
как крепко связан
с собственной сестрой.

Друзьям

Теперь все чаще хочется друзьям
Сказать: благодарю вас, дорогие,
За то, что вы со мной, когда другие
Рассеяны давно и там и сям.

Меня благословлявшие вчера
Сегодня не успели попрощаться -
Им незачем оттуда возвращаться,
А мне туда покуда не пора.

Но вот однажды старенький альбом
Ленивою рукой достанем с полки:
Ах, зеркала печальные осколки
Дают изображение с трудом.

То памятное наше торжество...
Где ты теперь звучишь, мой голос слабый?
Была бы славой - я б делилась славой,
Но ничего здесь нету моего.

И станут возрождаться имена,
Как будто возвращенные из плена:
Сначала Валентин, потом Елена -
И лучшие наступят времена.

Мы, как живые, под руки пойдем -
И будет исходить от нас сиянье,
И целый мир нам будет милый дом,
И сгинут рубежи и расстоянья.

Пока же мне не подан тайный знак,
Стихи я стану складывать и вещи.
Мне кажется, виденье было вещим:
Мы свидимся - не знаю, где и как.

Твержу себе: не надо больше петь.
Прошу себя: терпи, моя аорта.
Не хочешь? Ну тогда какого черта!-
И я ведь тоже не хочу терпеть.

ГОЛОЛЕД

Гололед - такая гадость
Неизбежная зимой.
Осторожно, моя радость,-
Говорю себе самой.

Ведь в другое время года
Помогает нам судьба,
А в такую непогоду
Затруднительна ходьба.

Я в дому совсем другая:
Раз на дню, наверно, сто
Я сама себя ругаю
И за это и за то...

А сегодня - не ругаю
И напрасно не корю.
Осторожно, дорогая,
Осторожно! - говорю.

Как ты справишься с дорогой? -
Ведь ее не избежать!
Равновесие попробуй,
Равновесие держать.

Не волнуйся и руками
Без стеснения маши.
Равновесие, как знамя,
Равновесие держи.

Гололед - такая гадость,
Неизбежная зимой.
Осторожно, моя радость,-
Говорю себе самой.

Не боюсь его нисколько:
Я всю жизнь иду по льду.
Упаду - сегодня скользко -
Неприменно упаду!

АВТОГРАФ

Когда еще хоть строчка сочинится -
От вас не скроет ваша ученица.
А что почтенья был хоть малый прок -
Любовь мою читайте между строк.

Когда же вам наскучит это чтение,
Мое включите жалобное пенье,
Остановитесь, отложив блокнот -
Любовь мою услышите между нот!

Но вас гнетет и призывает проза,
И вот - цветет и оживает роза,
Та, что увяла в прошлые века,
Но на столе у вас стоит пока.

Когда усталость мне глаза натрудит,
А, может, старость мне уста остудит
И побелеет черный завиток,
И из зерна проклонется росток -

Пускай судьба - таинственный биограф -
Оставит мне единственный автограф.
Пускай блуждает в предрассветной мгле
Любовь моя - тень ваша на земле.

Содержание

	стр.
Поэтический мир Вероники Долиной..	3

I Поэт у древа времени отросток

"Поэт - у древа времени отросток"...	11
Цветаевой ("От твоего дома").....	13
Свеча.....	16
Последняя песня.....	17
"И не всегда ж я буду молодой".....	19
Легенда о сфинксе.....	20
"От книги глаз не поднимаю".....	22

II Между землей и небом

"Жизнь была бы иной".....	25
Заклинание.....	26
"Меж нами нет любви".....	27
"Как холодна моя рука".....	28
"Иду по улице зимой".....	29
Формула.....	31

"Прошу себе не красоты".....	33
Снежная баба.....	35
"Моя любовь печальная".....	37
Огонь.....	39
"Я - неразменная монета".....	40
Романс.....	42
"А хочешь, я выучусь шить?".....	43
"Когда б мы жили без затей".....	45
"У маленькой любви".....	47
"Что она плачет?".....	49
Кукольник.....	50
Прощальная песня шарманщика.....	51
"Мой сын".....	53
"Сто женщин, сто младенцев".....	55
Полнолуние.....	57
Канарейка.....	59

III Нет и не было покоя

"Я сама себе открыла".....	63
На даче.....	65
"Ничего не помню больше".....	67
"Ах, дочка".....	69
"В нашей жизни стало пусто".....	71

Медвежонок.....	73
"Не расти, дитя мое!".....	74
"Играйте все этюды Черни".....	75
Таллин.....	77
Эмиграция.....	79
Серая шейка.....	81
"На мосту, где мы встречались"....	83
"Помилуй, Боже, стариков".....	84
"Старинная миниатюра".....	86
"Как ваша светлость поживает".....	87

ИИ станут возрождаться имена

Галичу.....	91
Окуджаве.....	95
Высоцкому.....	97
Дом в Клину.....	107
"Давно забыть тебя пора".....	109
"Боль сердца моего - сестра".....	111
Друзьям.....	113
Гололед.....	115
Автограф.....	117
От составителя.....	121

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник составлен исключительно на основе самиздатовских текстов и любительских магнитофонных записей поэтессы, попавших на Запад.

Кроме нескольких стихотворений, уже опубликованных в журнале Континент № 39, все представленные тут произведения В.Долиной предлагаются вниманию русского читателя за границей впервые.

Настоящий сборник печатается без ведома автора, с которым нам не удалось связаться, и, таким образом, она не несет никакой ответственности за это издание.

Составитель сборника считает своим долгом предупредить читателя о том, что разделение книги на отдельные циклы сделано только лишь по смысловому принципу и ни в коем случае не отражает позиции автора.

Imprimé en France

Dépôt légal: 1° trimestre 1987

Вероника ДОЛИНА ?

« У нее есть все, что необходимо для подлинной поэтической работы: одаренность, вкус, трудолюбие, вдохновение и некий загадочный элемент, который до сих пор, к счастью, еще не изучен. »

Булат ОКУДЖАВА